
Чаша боли, любви и красоты

[Ирина УШАКОВА](#) - 17 июня 2017

Body

О книге Юрия Лощица «Русский сказ – сербская притча»

Сербия – не просто близкая нам страна и близкий по духу и крови народ. Сегодня, когда пришло время нам, русским, сосредоточиться и осознать себя, сербы подают этот пример самосознания.

От святителя Петра Цетиньского и святого Саввы, который созидал национальную церковь, от Великомученика XIV века Косовского князя Лазаря – до косовских мучеников, принявших кончину в 1990-е годы, сербы близки нам в своём двуединстве стояния в вере и отстаивания национального достоинства. Сербия для всего мира стала символом терпения и непокорности, символом народного достоинства. События 1992, 1999 гг. показали это отчётливо. Как страшна врагу эта маленькая страна, о которой президент США Дж. Буш сказал: «Сербия – наибольшее препятствие безопасности экономическим и политическим интересам США»!

Книга лауреата многих литературных премий, в том числе Патриаршей премии, Юрия Лощица «Русский сказ – сербская притча», вышедшая в издательстве «Вече» в 2015 г., охватывает более чем тысячелетнюю историю собирания Русско-сербского, славянского мира – от первых дней стояния за свою веру и землю, от первых наших святых мучеников до сегодняшнего дня – дня предстояния перед вызовами НАТОвской агрессии.

«Мы не знали, даже предчувствовать не умели, что уже неумолимо подступают те “последние времена”, о которых и сербов, и русских предупреждали ещё древние гусяры и летописцы. А теперь “последние” вдруг подступили и к Югославии. И, почти одновременно, к СССР. Самым трудным после всего пережитого оказалось не забыть дорогих, милых имён, чистых душ», – пишет Юрий Лощиц в очерке «Елена, Никита, Аница». Дата написания очерка – 1986, 2015 годы. Эти несколько страниц надо было выстрадать не одно десятилетие.

В книгу вошли статьи и интервью Юрия Лощица, в том числе с профессором Белградского университета Р. Мароевичем, с академиком О.Н. Трубочёвым, а также очерки о сербских и русских святых, о близких автору наших современниках. Россыпь сербских имён – от

классика пушкинского времени Вука Караджича до героического президента Республики Сербской Радована Караджича.

Отрадно, к примеру, узнать о том, как дорог был наш Пушкин поэту, митрополиту, государственному деятелю Петру Негошу, какая нить душевной приязни тянулась меж ними, и как двести лет спустя продолжается дружба современных писателей России и Сербии.

В переживаниях о судьбе наших народов не померкло видение автором красоты каждой человеческой души, которой коснулось его повествование. Книга эта как чаша боли, любви и красоты. И перед всей трагичностью судьбы – свет надежды. Он сквозит при первом взгляде на книгу с фотоэтюдом на обложке. В старом каменном храме стоит и светится, пронизанный солнечными лучами, деревянный каркас купола, готовый вознестись на оживающий храм.

Очерки Юрия Лоцица словно пролог к романной дилогии «Унион» и «Полумир», вошедшей в книгу. В этих романах происходящее в нашей стране просматривается на такую глубину, какая необходима, чтобы произведение служило, именно служило, многим поколениям, оставалось зеркалом души – души народа, души истории. Нам важен этот масштабный взгляд на советский период, Великую Отечественную войну, перестройку, развал СССР, второе Крещение Руси и третью мировую войну, да, именно третью мировую, как определяет автор войну, которая ведётся сегодня, как и весь XX век, с русской деревней. Всё это в одном ряду с происходящим в близкой нам стране Сербии, с которой связаны мы не только исторически и духовно, но наши судьбы предрешены врагами славянского мира как единая судьба. Книга пронизана ощущением хрупкости этого мира, стоянием перед Вечностью, близостью Божьего Суда.

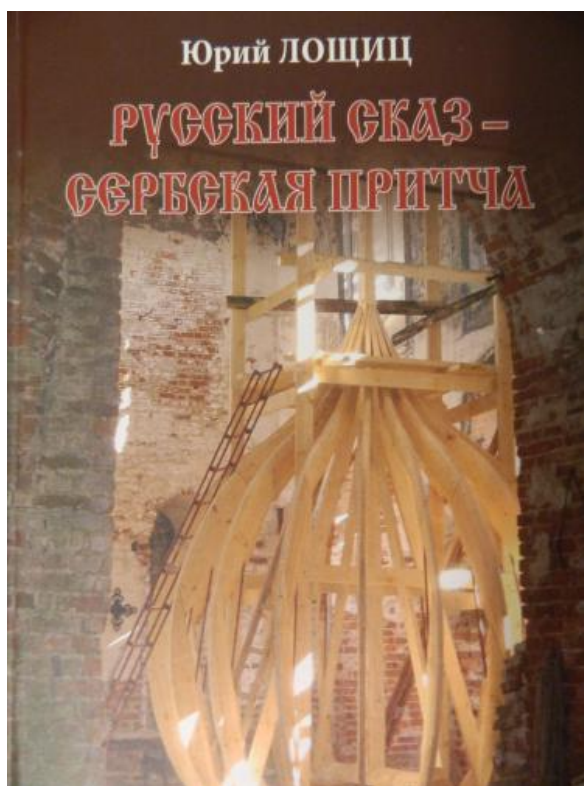
И в то же время в героях Лоцица есть жизнеутверждающая укоренённость в родной почве. «...Всё поёт во мне, всё звенит, всё горит, и лицо пышет, и пот уже не успевает остужать его. Хрустят твёрдые стебли под лезвием, трещат и хрустят во мне старые заскорузлые корни, – всё-всё ненужное, лишнее, лениво обмершее, изжившее свои сроки, безжалостно выкашивает внутри меня быстрая, звонкая, бодрая кровь, красная, как вино, крепкая, как спирт, и когда-нибудь, когда она выкосит всё до конца, останутся от меня только белые кости да вольная душа, ищущая Господа своего... И разве не здесь, разве не в этом лоне кости моих праотцев, понимавших друг друга с полуслова на всём пространстве между Моравой и Припятью, между Окой и Дриной, между Ворсклой и Брегалницей?.. Смотри, Петрович, как я машу то ли косой, то ли саблей. Пусть капля и моего пота упадёт в твою землю», – читаем мы в романе «Унион».

В произведениях Ю. Лоцица нет интриги, смакования человеческих пороков. Автор выводит читателя «на чистую воду» – не сопереживать его героям невозможно, они с первых страниц становятся твоими самыми близкими людьми. И тут вспоминается святоотеческое: а кто твой ближний? А оказывается, и ближний твой, и ты сам пережил то, как уничтожали славян в 1941 году, в 91-м, 99-м, как ломались судьбы тех, кто оставался неподкупен. И ничего не отделяет сербского героя, не ставшего служить ни коммунистам, ни гитлеровцам от русского героя, защищавшего Белый дом. И того, и другого будут пытаться нелюди, у которых нет лица, нет сердца... Весь строй мыслей в этих романах действует на читателя как горькое лекарство, прививка от плюрализма, глобализма, толерантности, что в молитве святого Иоанна Златоуста называется окамененным нечувствием.

Стоит вспомнить, что именно Юрий Лоциц в конце 80-х – начале 90-х гг. первым честно и профессионально поднял тему славянских отношений, сказал о деятельности враждебных сил в славянской среде. Не мешало бы иным современным славянофилам перечитать, к примеру, страницы «Литературной России» тех лет.

Конец света не наступит, пока славянская земля рождает героев. Святые Савва Сербский и Феодосий Печерский стали первыми святыми иноками своих Церквей и своих народов, отцами монашества. Почти в одно и то же время умер от ран, полученных на Куликовом поле, князь Дмитрий Донской и был казнён турками сербский князь Лазарь – предводитель сербских войск на Косовом поле. Наши современники повторили подвиги

предков. Подвиг Пересвета и Осляби в войне на рубеже XXI века – в небесном бою в 1999 г. совершил сербский подполковник Живота Джурич, жизнь свою – животу – не пожалел, протаранив американский бомбардировщик. Чуть ранее, в 1996 г., совершил христианский подвиг русский солдат Женя Родионов, которого сто дней пытали в чеченском плену, а всего-то надо было – снять надетый матерью нательный крестик. Они знали, за что сражаются, за что умирают.

Автор книги «Русский сказ – сербская притча» ненавязчиво расставляет акценты – где мир, а где – полумир. Почему роман назван «Полумир»? Потому что американская база размещена на Косово, даже если сегодня не звучит канонада. В первом романе «Унион» диалог ведётся почти сплошь за рюмкой водки. Невольно вспоминается, как Валентин Сорокин пишет о Сергее Есенине: «Пил Есенин? Пил, запоем пил русское горе». Герои Юрия Лошица говорят о судьбах мира, о тех, кто решает эти судьбы – о Суворове, Кутузове, Карагеоргии – руководителе первого сербского восстания против Османской империи (мы о нём знаем меньше, чем о Марине Мнишек, как горько отмечает автор). Разговоры о политике переходят в исповедь, быть может, самую важную в их жизни. Герои современных событий переносят себя в былые времена, когда решалась судьба славянского мира: «...Слов нет, с 1806 года, Россия вступила на Балканах, на Кавказе и на морях в новую войну против Порты, сербское воинство, до того бившееся в одиночку, приободрилось и обнадежилось. И ты не уставал показывать своим людям на восток: Россия идёт на подмогу... фельдмаршал Михельсон пишет о новых победах... главнокомандующий Прозоровский шлёт порох, олово, ружья и деньги... И уже однажды русские присылали подмогу живой силой и совместно ударили на турок у Малайницы, русскими командовал генерал-майор Исаев, и из его отряда погибло сто тридцать человек, а сербов насчитали двести, но турок в итоге изрешетили и посекали полторы тысячи. И дальше бы так, плечом к плечу драться, но после той баталии, сколько ты ни просил, всё хитрил Прозоровский, уходил от ответа: то ссылался на государя, от которого нет позволения, то на высокую воду на Дунае, мешающую переправить войска, то вдруг раздражено заявлял, что вообще никаких обещаний о подмоге живой силой от него не исходило...»

Ничего не напоминает вам 1992 год, когда сотня наших добровольцев помогла сербам отвоевать у албанцев хоть часть своей земли? А дальше что?..

Переворачивая вслед за автором страницы сербско-русской истории, мы вспоминаем, что именно в Сербию выплеснулась с нашей эмиграцией первой волны любовь к России и несломленная вера в Бога. Это отдельная, значимая тема повествования Юрия Лощица. Наши соотечественники припали к спасительной сербской земле (единственной в мире, давшей им тогда убежище), как маленькая русская церковь, что прижалась к алтарю громадного сербского собора святого евангелиста Марка в Белграде. Сербия приняла Россию с её бедой и была вознаграждена любовью. Лучшие образованные люди царской России, негодные новой власти, продолжили своё служение на разных поприщах в этой ставшей им родной стране. В одном из очерков Юрий Лощиц говорит о том, что на белградском кладбище за собором есть среди иных русских могил крест с надписью «Людмила Тарасьева». И никто из проходящих не знает, что там лежит жена священника и мать священника, дочь репрессированного генерала. Много таких пронзительных переживаний принесут читателю встречи с героями этой книги.

В беседе автора с профессором Белградского университета Радмило Мароевичем поднимается важнейший на сегодня вопрос о славянофобии, начиная от Римской империи, германских крестоносцев, далее – классиков типа Петрарки – до неопровержимого факта славянофобии Маркса и Энгельса и антиславизма Гитлера, о чём писал польский исследователь Ержи Борейши. Радмило Мароевич говорит о русском народе: «Славянофобия особенно проявилась в отношении к самым сильным, устойчивым в этническом отношении народам – русскому и сербскому. До революции русофобия была для вас внешней силой – она исходила из Англии, Австро-Венгрии, Польши. С приходом к власти большевиков русофобия стала в СССР и внутренним явлением. Ваша денационализированная русскоязычная правящая верхушка с какой-то поистине ветхозаветной жестоковейностью открыла гонение на всё русское, православное, приравнивая его к “великорусскому шовинизму”. По такой же точно модели работали и югославские коминтерновцы, когда всякое проявление сербского национального чувства клеймили как “великосербский гегемонизм”».

Почему же так страшен «великорусский шовинизм», а не американский финансовый фашизм, уничтожающий военным путём сербов, иракцев, ливийцев, украинцев?.. В минуту мировой русофобии дорог нам герой очерка Ю. Лощица – черногорец Джордже, встающий перед случайно встреченным русским гостем: «Я – русский человек!.. Да-да, я – русский человек. Ты ещё жива, моя старушка, жив и я, привьёт тебе, привьёт... Да, я – русский человек!»

Книга как нельзя кстати напоминает нам о том, что те же, что и в Сербии, святыни сегодня защищают в Сирии. Та же самая война идёт на Донбассе – за кириллицу, за право жить на своей земле.

«Русские национальные и русские государственные интересы должны наконец совпасть. Это произойдёт, если русские станут наконец играть ведущую роль у себя в стране, чего им до сих пор не позволялось», как сказал Радмило Мароевич.

«Если соберём волю каждого в одну волю – выстоим! Если соберём совесть каждого в одну совесть – выстоим! Если соберём любовь к России каждого в одну любовь – выстоим!», – говорил святой праведный Иоанн Кронштадский. Эти слова были обращены к русскому народу в канун страшных революционных испытаний для него. Но разве не свежо, не духоподъёмно и спасительно это звучит по отношению к сегодняшнему славянскому миру?..

[Ирина УШАКОВА](#) - 17 июня 2017

